

СТАНИСЛАВ
ВЕНГЛОВСКИЙ

АНТИЧНЫЕ ЦАРИ

А л е т е й я

Станислав Венгловский

Античные цари

«Алетейя»

2018

УДК 94(37+38)
ББК 63.3(0)32

Венгловский С. А.

Античные цари / С. А. Венгловский — «Алетейя», 2018

ISBN 978-5-906980-94-6

Это книга об античных царях древней Греции и Рима. В ней рассказывается о богах античной Эллады, об их спорах за такой лакомый кусочек древней Аттики, как город Афины, о последнем царе Кодре, о царе Фив Кадме и его наследниках, о царе Эдипе. Наконец, в ней же говорится и о римских царях. О них можно сказать, что предел им поставили сами римляне: после 510/511 года до н. э. римских царей более не существовало. Все было заменено консулами, избиравшимися всенародно, вплоть до эпохи Римской империи. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 94(37+38)

ББК 63.3(0)32

ISBN 978-5-906980-94-6

© Венгловский С. А., 2018

© Алетейя, 2018

Содержание

Афинские цари	7
Аттика	7
Кекропс (Кекроп) – первый аттический правитель	10
Посейдон и Афина	13
Царская семья	17
Царь Кранай и его зять Амфиктион	19
Эрихтоний (или Эрихфоний)	20
Пандион	22
Царевны Прокна и Филомела	24
Эрехфей (Эрехтей)	27
Ион	29
Эгей	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Станислав Венгловский Античные цари

Афинские цари

После того, как в Афинах воцарился Кекроп и вся эта область, дотоле называвшаяся по имени местного жителя Актиса – Актикой, стала называться Кекропией, прошло 1318 лет.

Паросский мрамор¹

Аттика

Можно смело сказать: Аттика находилась в центре эллинского мира. Вместе с тем, даже на первый взгляд, – казалось, что она размещена чуть-чуть в стороне от главных, а тем более – от сухопутных дорог всей Эллады...

Известно, что любое живое существо гораздо комфортней и безопасней ощущает себя в каком-нибудь закутке, ограниченном всего лишь двумя, зато очень надежными стенками, расходящимися у него за спиной, под более или менее тупым углом. Так, например, ведет себя в незнакомом ему помещении чересчур уж малый, – зато чрезмерно милый котенок. Так поступает и слишком веселый щенок... Обезопасив свои тылы, все животные как-то спокойнее следят за тем, что происходит перед их широко раскрытыми на все глазами...

Нечто подобное, уже с древних времен, испытывали также те люди, которые вдруг оказывались на полуострове, речном или даже морском мысе, где слева и справа виднеется одна лишь сплошная вода. Именно в таком положении очутилась и вся античная Аттика.

С запада, точнее с северо-востока, – аттические берега омывала узенькая водная полоска, представлявшая собою не слишком четко и очерченный морской пролив, который отделял ее от обширного, довольно гористого острова под названием Эвбея.

С юга на Аттику набегали волны вечно синеего, почти голубого, Саронического залива, по гладкой поверхности которого, при тихой погоде, среди множества островов и островков, – довольно легко удавалось различать четкие контуры большого острова под названием Эгина.

Пешему человеку, которому приходилось не раз пересекать этот остров с юга на север, и в обратном ему направлении, – удавалось проделать все это за каких-нибудь два современных часа. За этим островом возвышался сам Пелопоннесский полуостров, точнее – гористая земля Арголиды, с древними, полузабытыми теперь городами: Микенами, Аргосом и Тиринфом.

А совсем рядом с Актикой, у южных ее берегов, но гораздо ближе к западной части, – восставал из моря другой, тоже довольно крупный остров – под «гордым» названием Саламин.

Саламин всегда служил для Атики предметом ожесточенного спора с соседствующим государством – с Мегарами. Мегарская земля для Афин как раз была тем местом, за которым приходилось неусыпно следить, опасаясь исходящей оттуда грозной опасности.

Мегарская земля, соседствующая с Актикой на юго-западе, отличалась чрезмерной гористостью ландшафта, вдобавок – еще и своим, каким-то вечно-песчаным бесплодием. Территорию Мегар прорезали дороги, бегущие с севера на юг и в обратном ему направлении.

¹ Так называемый Паросский мрамор представляет собою один из важнейших источников греческой хронологии. Первая часть его была найдена еще в 1627 году. Ее открыл для науки англичанин Томас Говард Арундел, а перед тем указанный камень слишком долго пролежал в полузабытой гряде камней в турецком городе Измире. После окончательного изучения всей этой груды камней, указанный нами британец и подарил его музею университетскому городу Оксфорда; другая часть его, найденная гораздо позже, только в 1897 году, хранится ныне в так называемом Паросском музее. Вся хронология была составлена совершенно неведомым нам анонимным греком. Она приурочена, как полагают ученые, к 264 году.

В северной части мегарской земли, тоже чрезмерно гористой, – возносился каменистый горный кряж Герания, в котором пробит узкий проход над морем, напоминающий собой такие же узенькие Фермопильские ворота, расположенные где-то на севере Греции, уже в пределах фессалийской земли. Эти ворота, надо заметить, как раз представляли собою серьезную преграду для всех врагов, вторгшихся в Элладу с европейского континента...

На северо-западе с Аттикой граничила богатая во всех отношениях Беотия, знаменитая своим древним городом – семивратными Фивами.

Быть может, именно мысль об узком и тесном мегарском проходе, прежде всего, овладевала умами завоевателей, которые продвигались по указанному пути уже с севера на юг, принося за собою смерть и разрушения.

Нельзя исключить и того, что, разорив и миновав богатую Беотию, завоеватели напрочь выбрасывали из головы саму мысль о встрече с еще более гористой Аттикой, почитая ее несколько не привлекательной. Она оставалась по левую руку, совершенно невидимая и несколько не ведомая, пусть даже и самым прозорливым захватчикам.

Они устремлялись вперед, к горному проходу, не без основания подозревая, что встретят там еще более вооруженных, уже до зубов, местных воинов, отлично знающих каждую тропку и каждый выступ в ее отвесных, крайне недоступных любым захватчикам скалах.

В пылу завоевательного рвения, захватчики несколько даже не предполагали, что за горным массивом, закрывающим собою полнеба, лежит довольно обширная страна под названием Аттика.

Преградой, прикрывающей Аттику со стороны Беотии и Мегар, были разветвленный горный массив Киферон (наивысшая точка его достигала 1409 современных нам метров) и его продолжение – горы Парнес (высшая точка данных гор – 1413 метров над уровнем моря).

Те же люди, будь они хоть завоевателями или даже абсолютно мирными купцами, или же просто путешественниками, которым все-таки удавалось преодолеть указанные горы, – попадали, наконец, в саму Аттику.

В таком случае – перед ними простиралась тоже довольно сильно возвышенная равнина. Это был вытянутый с юга на север значительный полуостров, от южной оконечности которого и до северных его границ насчитывалось добрая сотня нынешних километров, тогда как ширина его была едва ли не в два раза поменьше.

Да, таковым оказывался он и на самом деле, довольно бедным водою и гористым. В северо-восточной части Аттики возносились горы Пентеликон, высотой до 1109 метров, недра которых распирали залежи добротного мрамора, а на юго-востоке – горы Гиметт (высшая точка которых тоже превышала одну тысячу метров).

В древние времена эти горы были известны, в первую очередь, своим медом, получаемым от диких или уже прирученных пчел, а затем – и не менее дивным мрамором чудного белого цвета, с каким-то нежно голубоватым отливом...

А еще, на юго-востоке Аттики стояли невысокие горы Лаврион, хранившие в себе запасы очень ценного, особенно в древности, – удивительного серебра.

С указанных гор стекали редкие в Аттике реки, именно – с Пентеликона Кефис, а с Гиметта – Илис, который впадал в довольно быстрый, даже на равнине, – Кефис.

Летом обе реки мелели, пересыхали, пропадали вовсе.

Значительную часть аттической территории составляли зеленые равнины: Афинская, Элевсинская, Марафонская и так называемая Мезогаяя – Серединная земля, упирившаяся своими краями в горы Гиметт и Пентеликон...

На указанных равнинах греки выращивали сельскохозяйственные растения и занимались весьма прибыльным скотоводством.

Нет ничего удивительного, что именно на этих равнинах и появились первые древнейшие поселения, и что сами названия этих равнин, только что приведенных нами, даны были им как раз по названиям указанных выше городов: именно Афины, Элевсин, Марафон.

Исключение составляла разве что земля Мезогайя.

Кекропс (Кекроп) – первый аттический правитель

Вблизи Саронического залива, всего в пяти-шести километрах от морского берега, внимание людей привлекало слишком заметное, даже издали, – возвышение из крепко слежавшегося бурого известняка.

Необычное среди сплошного зеленеющего пространства, оно было вытянуто с запада на восток. Наивысшая точка его возносилась над уровнем моря на целых сто сорок шесть метров.

Первое, что поражало местных жителей при одном лишь взгляде на этот огромный холм, – какое-то жуткое обилие на нем всевозможных пресмыкающихся, то есть, – обычных змей.

Надо сразу сказать, что змеи в древности казались людям обладателями какой-то сверхъестественной силы. Эта сила угадывалась уже во взгляде крошечных глаз на совершенно маленькой, как бы выточенной головке, а еще – в движениях чуткого, чрезвычайно извилистого тела.

Все змеи в древности считались олицетворением извечной мудрости, возможно, благодаря своей близости к матери земле. Потому и все змеи прослыли у древних людей порождением самой земли.

Конечно, похожим образом относились к змеям и в Аттике. Однако то, что жители Аттики наблюдали на этом холме, – превосходило все человеческие представления: на холме бурлило настоящее змеиное царство. Змеи там просто кишели.

На раскаленных солнцем каменных склонах выгревалась живая шевелящаяся масса. Гибкие тела, словно стебли дивных растений, обвивали корявые столбы, каким-то чудом сохранившиеся среди камней оголенные древесные стволы. Желтобрюхие змеиные существа шлепались на камни и с леденящим душу шуршанием втискивались в совершенно невидимые для постороннего глаза норки и в еле различимые даже для них самих, довольно узенькие расщелины в сплошной горной породе.

Пастухи, у которых время от времени отбивались от стада весьма непослушные козы, в поисках этих животных заглядывали в пещеры на склонах жутко-загадочного холма и затем клялись окружающим всеми богами, что творящееся в пещерном полумраке превосходит все, уже виденное человеческому глазу на наружных каменных склонах.

Пастухи уверяли, будто в пещерах обитают змеи невиданных прежде размеров, будто у них существуют свои государи и свои «настоящие» подданные. А еще: будто бы им, пастухам, приходилось видеть даже змею в золотой короне и в пышных, необыкновенных одеждах, как две капли воды, – похожих, даже по внешнему виду, на истинно царские...

Пастухов слушали, им – доверяли. Змеиные цари, вроде, тоже каким-то таинственным образом могли быть связаны с небом, с могущественной богиней Геей.

Первым аттическим царем традиционно считалось существо исключительно загадочное.

Правда, таким являлся лишь первый аттический правитель. А для потомков, даже для его современников, которые, спустя время, когда само его имя, образ и годы правления покрылись удивительно легкой дымкой забвения, – он таким уже не был...

Все дело в том, что на такой незначительной территории, каковой являлась на самом деле вся античная Аттика, – невозможно было облечь таинственностью распорядок и саму суть всей царской жизни. Тогдашние и тамошние цари – были не в состоянии укрыться от зорких глаз своих подопечных и подданных.

Все сказанное усугублялось еще и тем, что жители древней Аттики справедливо считали себя автохтонами, то есть людьми, – живущими здесь, в данной местности, от сотворения мира, из поколения в поколение.

Они знали всю родословную каждого своего соседа, поскольку сами ничуть не смешивались с пестрой массой пришельцев, если не считать немногих изгнанников, так и не нашедших

для себя какого-либо приюта. Сами же обитатели Аттики не поддавались никаким завоевателям. Они никогда не покидали своих родных, крепко обжитых ими мест и пашен.

Одним словом, жизнь аттических царей не походила на жизнь настоящих самодержцев, вроде позднейших персидских монархов, в подчинении у которых ходило много различных народов на трудно вообразимых азиатских просторах.

Кроме того, сама царская власть во всем эллинском мире, да еще в то, патриархально далекое время, – выглядела несколько забавной для нашего понимания. Эту власть ограничивали многочисленные советники, ограничивало и нечто, вроде подобия народного собрания, состоящего если и не со всего народа, то, по крайней мере, – из людей известных, опытных. Они всего повидали на своем веку, были чересчур почитаемы, храбрыми, необычно инициативными.

Отзвуки царского правления видятся и в картинах, оставленных нам великим поэтом древности Гомером, пусть и жившего гораздо позже, где-то уже в IX–VIII веках до нашей эры, однако изображавшего жизнь и не очень далекого от нас, XII столетия, тоже, кстати, до нашей эры...

Представление о древних царях дает нам образ хитроумного Одиссея, умевшего делать все своими собственными руками, и даже сделавшего ими очень уж многое.

Одиссей, по правде сказать, царствовал в небольшом государстве, расположенном на острове Итака. Однако, подобными качествами наделены у Гомера и могущественные иные государи, вроде Агамемнона, Менелая и прочих, прочих, повелевавших массами людей, а также распоряжавшиеся всеми огромными богатствами людей древнего мира. А все же и эти цари были ограничены в своих действиях. Они тоже зависели как от первейших советников, своих соратников, так и от разноликой воинской массы.

Конечно, первый аттический царь в глазах многих своих современников выглядел совершенно непохожим на того государя, каковым он сделался в устных преданиях, уже после того, как сам сошел в могилу. Возможно, лишь после смерти своей обрел себе он какое-то даже имя, которое так и осталось в сознании его потомков.

Вот и царь Кекроп... Если верить самым древним сказаниям, он был рожден богиней земли Геей, а потому и выглядел внешне тоже довольно странно: вроде бы и настоящим уже человеком, со всепонимающими умными глазами, однако с гривою жестких волос, ниспадающих ему волнами на довольно, даже слишком, широкие плечи.

Однако он был еще не совсем человеком по причине наличия у него змеиного хвоста, который извивался у ног его какими-то странными, крупными кольцами.

Впервые представ перед людьми, сбегавшимися на его зов, своими вероятными подданными, – это существо заявило скрежещущим голосом, стоя на высоком природном холме:

– Ке-кропс! Зовите меня просто Кекропом! Я буду править вами по указанию высоких небес!

Под одеждами у Кекропа (или Кекропса) все также шевелился мощный змеиный хвост, но это мало кого удивляло, потому что о подобных змеиных царях давно уже говорили все на свете ведающие земные пастухи.

Жители аттической земли не без удовольствия подчинились даже такому змеиному существу, дарованному им высокими небожителями.

Конечно, о несомненной связи нового царя с небесными богами стало гораздо легче говорить при его наследниках, у которых уже совершенно исчезли все признаки их змеиной, какой-то чисто божественной сути. Цари, к тому времени, казались похожими на всех прочих земных обывателей, и современникам их оставалось лишь поверить в то, что утверждалось в сказаниях предков.

Первый аттический царь слишком рьяно взялся за дело. Волочившийся по земле змеиный хвост совершенно не мешал ему в занятиях и нисколько не пригашал его сверхкипучей энергии.

Кекроп довольно быстро возвел на холме укрепление, ставшее центром всего государства. Крепость назвал он по своему имени – Кекропия. Впрочем, говорили впоследствии, это название перешло и на все аттическое государство.

В царствование Кекропа произошло еще одно, слишком важное событие. В греческой жизни появилась первая выдающаяся женщина, так называемая Пандора (в переводе с древнегреческого языка это имя, как бы в насмешку, означает – *всем одаренная*).

Она была создана богиней Афиной и богом Гефестом.

Говорили, будто бы Зевс, разгневанный из-за того, что Прометей, похитив у богов огонь, решил передать его людям. В отместку за это верховный бог, Громовержец Зевс, и приказал создать эту вот женщину.

По личному указанию Зевса, его сын Гефест слепил ее, смешав землю с водой, а богиня Афина, любимая дочь Зевса, одела Пандору в серебряное платье и увенчала ее голову золотым венцом.

Пандора, по замыслу Зевса, – должна была приносить людям соблазны и всяческие прочие несчастья. По мнению более поздних древнегреческих поэтов, Гермес вложил в ее лживую и хитрую душу надежду на исполнение всех нечестивых человеческих желаний. Более того, когда Пандора открыла сосуд, врученный ей милостивыми, но чрезвычайно коварными богами, в котором заключены были все людские пороки и несчастья, – то по всей земле разползлись сплошные болезни и слишком большие бедствия для людей.

Только надежда осталась на дне сосуда, но Пандора, пытаясь спасти положение, поспешила захлопнуть крышку сосуда. Люди, поэтому, лишены были даже надежды на лучшую жизнь...

Посейдон и Афина

В царствование Кекропа произошло еще одно, чрезвычайно важное событие в жизни Кекропии: подвластная царю-змею земля попала в поле противоборства всемогущих олимпийских богов – Посейдона и Афины.

Эти боги, во что бы то ни стало, – стремились заполучить для себя чудесный уголок аттической земли, а потому и устроили по такому поводу своеобразный конкурс.

Победитель конкурса становился покровителем благодатного участка земли, жители которой обязывались приносить ему жертвы, возводить для него многоколонные пышные храмы, ставить ему многочисленные жертвенники, украшенные его статуями, и прочее, прочее...

Храмы, как известно, служили богам лишь временными жилищами, куда они являлись по мере надобности и ввиду неблагоприятно сложившихся обстоятельств. Так полагали и все прочие эллины, жители Аттики несколько не составляли здесь исключения. Названные боги, в самом деле, были существами грозными и могущественными.

Посейдон – всемогущий повелитель морских просторов, колебатель земной суши. Он приходился старшим братом Громовержцу Зевсу. Посейдон и помог брату свергнуть с престола общего для них обоих отца, кровожадного бога Крона, который пожирал своих собственных детей, поскольку отлично помнил зловещее предсказание: подросшие дети лишат его верховной власти, свергнут в мерзейший Тартар²...

Эллины воочию видели силу и мощь Посейдона. Ради этого достаточно было оказаться на берегу зимнего моря, поглядеть на его серо-черные волны, которые с грохотом и с оглушительным ревом разбиваются об острые камни. Все это, опять же, делалось по малейшему мановению руки самого Посейдона. Вооруженный трезубцем, разъезжал он по морским волнам в золотой колеснице, запряженной белогривыми конями. Более того, то, что какому-нибудь чужеземцу могло показаться обыкновенной морской пеной, все это эллины воспринимали довольно правильно, как и полагается им. На самом деле – на море так густо мелькают белые конские гривы!

Впрочем, с таким же успехом, ударами своего трезубца, Посейдон умирал и морскую стихию.

Эллины твердо знали, что бог морей обитает в непосредственной близости от принадлежавшей им Аттике. Что, недалеко от гористого острова Эвбея, на его морском дне, возведен для него удивительный дворец из огромных морских камней, из сверкающих глубинных раковин и великолепных подводных жемчужин.

В этом, неколебимом ни при каких обстоятельствах дворце, – поселился сам Посейдон со своей супругой Амфитритой, богиней моря, дочерью самого Нерея, приходившегося отцом для всех нереид³, – и столь же славной морской богини Дориды.

Поначалу он разыскал Амфитриту с помощью вездесущего дельфина, поскольку она никак не хотела выходить за него замуж, пряталась в одной из многочисленных водных пещер, находившихся тоже в бесконечных морских углублениях... Там же обитает и все его многочисленное семейство.

А в чудесных конюшнях, вырубленных в скрытых глубинах подводных скалах, набираются сил те самые лошади, которые таскают его чудесную колесницу вдоль по морским волнам.

² В «Илиаде» Гомера – это место в глубине земли, размещенное настолько глубоко под землею, как высоко над нею возносится небо. Более поздние поэты описывают Тартар как место, где отбывают наказание разного рода грешники.

³ Греки верили, что число всех нереид – равным счетом 50. Среди них выделяются сама Амфитрита, супруга Посейдона, Фетида, мать Ахилла, Галатея, в которую влюбился по уши Полифем; вдобавок – была еще ее ближайшая родственница нереида Немертея.

Надо сразу заметить: морского бога все эллины опасались.

Подумать только: прогневишь его своими неосторожными поступками или даже каким-нибудь недобрым словом о нем самом, – и все. И не смей тогда даже приближаться к воде.

А ведь любой человек, особенно в Аттике, был тесно связан с морем. Путешествия по морской воде, еще в глубокой древности, прослыли самыми дешевыми и, в определенной степени, – даже самыми безопасными...

Богиня Афина – тоже почиталась всеми эллинами – была наиболее любимой дочерью Зевса.

Афина ведала важнейшими делами в жизни эллинов. Первоначально, в их понимании, она просто гоняла по небосводу какие-то явно бесхозные тучи, хранила в своих закромах отцовские разящие молнии. Однако, со временем, резко переменила обычный ход и род своих повседневных занятий.

Вскоре греки узнали, что эта, голубоглазая, светловолосая красавица так и родилась уже с копьем в одной руке и со щитом – в другой. Что на голове у нее, еще при рождении, засверкала медь ничем не пробиваемого для всех смертных шлема.

А родилась она уже взрослой воительницей из головы Зевса, поскольку он сам, перед этим, проглотил свою беременную прежнюю жену Метиду. Родившись на свет, она помогла своему родителю одолеть богов титанов. Так же, как и Посейдон, она способствовала ему как можно надежней усесться на олимпийском троне.

Да и вообще – едва появившись в мире, она не упускала любой возможности втиснуться в первые ряды воинов, слишком торопящихся в ближайшее воинское сражение. И в этом тоже нисколько не трудно было убедиться почти каждому смельчаку!

Однако война так и не стала для этой богини основным ее занятием. Война лишь способствовала ей добиваться установления спокойной жизни, такой естественной для всего человеческого рода...

А в мирной жизни богиня Афина научила эллинов запрягать в телегу мулов, до тех пор лишь праздно шатавшихся по земле, и более редких коней, – таких дорогих животных и очень ценимых даже в очень глубокой древности.

Впрочем, она сама и придумала для них телегу и ярмо, научила людей обращаться с плугом, что было также ее придумкой. Изобрела она и гончарный круг, отчего работа у гончаров закипела с невиданной дотоле скоростью, а посуда, выходявшая из их рук, обрела такие красивые и гладкие стенки, что стала с тех пор подлинным загляденьем.

Желанная всеми богиня научила эллинских женщин прясть, ткать, шить. Она же, естественно, обеспечила их и придуманными ею самой инструментами, вроде веретена, иголки, прялки, а также – необыкновенно сложного ткацкого станка...

И вот, в назначенный день к выстроенному Кекропом укреплению на высоком холме, – начали собираться толпы аттических жителей. Они стекались со всех равнин, даже – со склонов окружающих эти равнины довольно высоких аттических гор.

Шли осторожные охотники, умевшие выслеживать диких зверей. По одиночке и даже небольшими группами, тянулись вдоль узких тропинок пропахшие козьим и коровьим по́том, – загорелые до черноты пастухи. Они, в большинстве своем, так и сохраняли на собственных лицах повсеместные белозубые улыбки.

Широко расставляя ноги и как-то даже крадучись ступая, шли такие же обветренные мощные рыбаки, без особого удовольствия – оставившие свои обдутые непогодой сети, лодки и, подвластные только ветрам, – тугие свои паруса.

Явились в сиянии лиц и одежд и могучие небожители во главе с самым главным богом Зевсом, шаги которого раздавались подобно урчанию совсем уже недалекого грома.

Конечно, боги разместились на вершине высокой скалы, нисколько не смешиваясь с простыми землянами. Однако так же, как и простой народ, они понимали всю важность предстоя-

щего события и всю ответственность будущего судейства, которое Зевс всецело поручил змеихвостому царю Кекропу.

Наконец, все уже было готово. Затаив дыхание, замерли люди.

И вдруг стало слышно, как шуршат убранства стоящих на высоких скалах богов, как трещит, оседая, земная масса под тяжестью Зевсовых стоп, как мечутся в тревоге на каменных выступах чересчур любопытные змеи.

Распорядитель торжества, завидев знак царя Кекропа, издал свой зычный голос, – первым выступил вперед и остановился на виду у богов и народа гордый морской владыка. Он был виден всем собравшимся людям.

Перед ними предстал могучего телосложения чернобородый великан.

– Можно начинать! – прокричал распорядитель.

Легко, словно играючи, мускулистая рука взмахнула тяжеленным трезубцем и так же легко и ловко опустила его опять на землю.

– Эх-х!

Послышался скрежет металла о камень, – и под восхищенные крики из камня вырвался пенистый сноп воды. Он вознесся высоко над головою морского бога, и серебряные брызги так и рванулись по камням, добираясь даже до ног вконец изумленных людей.

Кто-то из простого народа зачерпнул влагу горстью, поднес ко рту руку и тут же закричал во все горло:

– Вода! Вода – сладкая!

Всеобщему ликованию не было предела:

– Вода!

– Вода!

Еще бы! В жаркий летний день, посреди засушливой Аттики, потребность в охлаждающей влаге ощущается как никогда исключительно остро. Пресная вода – лучшего подарка трудно даже вообразить себе...

Конечно, все это прекрасно понимали боги. Снизу было даже отчетливо видно, как они согласно почесывают свои кудрявые бороды, как улыбочиво отвечают друг другу.

Взгляды землян и высоких небожителей тотчас уставились на Кекропа, – и тут же у него с шумом свернулся в кольцо разомлевший на солнце его изумрудно-зеленый хвост.

И вот уже распорядитель судилища, по какому-то новому знаку царя Кекропа, вызвал богиню Афину.

– Можно начинать!

Афина ступала легко, как и полагается девице, однако земля у нее под стопами издавала легкое, почти невесомое колебание, как будто там проходило стадо незримых ни для кого быков.

Глядя в упор на богиню, все люди шурили свои глаза и прикрывали головы руками, – настолько невыносимо ярко сверкали на солнце ее золотые и медные сплошь доспехи. Однако сама богиня ничуть не терпела чрезмерной медлительности. Ударив землю своим копьём, она здорово опередила чей-то восхищенный, слишком поспешный крик.

– Вот!

Через мгновение произошло еще новое чудо. Из змеистой расщелины в раскаленной земле тотчас же выглянул бледный росточек, который начал шататься, а все же уверенно потянулся кверху, как бы несколько помедлил, – и вдруг выстрелил первым полупрозрачным листиком. Второй листик у него получился еще более насыщенным необыкновенно яркой зеленью.

Сам же росток на глазах у всех становился прочнее. Он, все гуще и гуще, покрывался листьями, украсился даже множеством ярких пятен. Нежные лепестки, которых едва лишь коснулись хоботками упрямо жужжащие пчелы, закачались и как-то разом опали на землю. На том самом месте, где они только что висели, закрутилась еле приметная поначалу завязь.

И вот уже, на глазах всех собравшихся жителей Аттики, с ветвей молодого и веселого дерева стали свисать маслянистые сочные плоды.

– Чудо! Чудо! – закричали люди уже в тысячи голосов.

То было оливковое дерево.

Внимательно следивший за всем этим царь Кекроп сорвал с дерева плоды, поднес их к своим по-змеиному сухим и необычно узким устам. Царскому примеру последовала его пышная супруга Аглавра, затем – их зычноголосые дети, а следом – и все шумные придворные явно змеиного царя.

Дерево обступали самые смелые из людей. Они протягивали к плодам свои руки и срывали, любуясь упругостью и веселым их видом. Люди рвали плоды, жевали, передавали в толпу, однако количество плодов на дереве от этого нисколько не уменьшалось.

– Чудо!

– Чудо!

Только и слышалось в обступившей дерево толпе.

Легконогий бог Гермес, покровитель путешественников и разного рода торговцев, самый пронырливый среди множества небожителей, затесался в человеческую толпу и тут же наполнил плодами свою островерхую шапку.

Люди не успевали следить за всем, что было доступно лишь небожителям.

– Берите! Берите! Всем хватит!

Богиня Афина реяла над народом с требовательным выражением сияющего лица. Она была уверена в победе над собственным дядею, владыкой моря, который как-то слишком озадаченно вертел в руках тяжелый трезубец, словно это был пруттик в ладонях какого-то, вечно озадаченного, однако – слишком непоседливого ребенка.

Кекроп, на которого глядели все люди и боги, мгновение подумал и произнес вдруг мощным голосом, в котором все еще угадывались какие-то сильно квакающие звуки:

– Спору нет, вода – неоценимый дар. Однако ее можно добыть и в любом колодце... Оливковое же дерево сделает всю нашу землю богатой и самой счастливой!

Кто оказался поближе к тому месту, где все еще находился бог Посейдон, те ужаснулись и даже прикрыли головы своими руками. Они были уверены, что колебатель земли и суши немедленно и тотчас призовет на Аттику свои самые грозные морские валы. Сами они уже готовы были карабкаться на каменные стены холма, на которых привычно шуршали змеи, а на вершине которого величественно высились все олимпийские боги.

Однако, в присутствии всемогущего Зевса, Посейдон как-то быстро взял себя в руки, зато потом, говорили в Аттике впоследствии, оскорбленный морской бог не забывал такого пренебрежения со стороны афинян, он дал полный разгул всем своим разнообразным каверзам.

А пока что, получилось все так, как и предрекал царь Кекроп.

Аттическая земля быстро покрывалась сплошными оливковыми рощами. Неприхотливые деревца приносили владельцам достаточное, и даже – очень значительное богатство. Оливковое масло сделалось предметом торговли с заморскими странами (вскоре к этому добавилась также торговля вином и расписною посудой).

Конечно, благодарные жители Аттики тотчас же стали именовать в честь богини и основанный Кекропом город. Он получил название в ее честь, и стал называться очень уж просто – город богини Афины или совоокой Афины.

Высокий холм, вместе с укрепленным замком на нем, – жители называли акрополем. На его вершине появился храм, возведенный тоже в честь упомянутой уже нами богини.

Передают, что отныне в нем поселилась огромная желтобрюхая змея, знаменовавшая присутствие в городе высшей покровительницы всего афинского народа.

Царская семья

Мы уже как-то, почти что невольно, упомянули, что царь Кекроп женился, как и подобает настоящему суверенному государю. Женой его стала не менее загадочная, нежели он сам, девушка по имени Аглавра (или Агравла).

Как бы там ни было, однако первое слово в ее имени значило «Световоздушная», второе – «Послебороздная». Короче говоря, чьей бы дочерью ни считалась сама царица, но оба из этих имен свидетельствуют о ее неразрывной связи со всей, окружающей холм природой.

Аглавра родила супругу трех дочерей. Одну из них тоже называли Аглаврой, как и мать; вторая получила имя Пандроса (всевлажная), третья – Герса (роса). Все ученые усматривают в перечисленных именах какую-то необычную связь Аглавры с богиней Афиной. В литературных памятниках более позднего времени привычно встречаются сочетания Афина Всевлажная, Афина Роса (иначе Росистая).

Стало быть, – эта богиня отвечала также и за росу, питающую все растения без исключения. В весьма засушливой Аттике это считалось делом нешуточным.

У царственных супругов появился даже наследник престола. Ему дали имя Эрисихтон.

Очевидно, малыш весь пошел в своего отца. Наверное, он рос весьма послушным парнишкой и действовал солидарно со своим почтенным родителем. Он явно желал укрепиться на царском престоле и еще сильнее желал заручиться покровительством всемогущей богини Афины.

По всей вероятности, вступив уже во взрослые годы, Эрисихтон отправился на остров Делос, на котором родились олимпийские боги, Аполлон и его родная сестра Артемида.

Оттуда он попытался вывезти даже изображение кормилицы Зевса Иты, постепенно превратившейся даже в богиню родов Илифию, дочь Зевса и Геры, – чтобы поместить его, в виде какого-то образа, непосредственно на высоком акрополе, в храме богини Афины.

Однако царевичу крупно не повезло. Его поступок отчего-то не понравился прочим олимпийским богам, а поэтому он и сам был сурово и строго наказан. Эрисихтон так и умер бездетным, еще при жизни сидевшего на царском престоле своего стареющего постепенно отца Кекропа.

Судя по всему изложенному, дело о престолонаследии приняло весьма печальный итог всего этого дела. По всей вероятности, супруги, ко времени смерти сына, вступили уже в критический детородный возраст: у них не оставалось ни малейшей надежды на появление новых детей.

Все это обернулось предметом рассуждений уже для богини Афины. Очевидно, она поняла, что более подходящей для Аттики династии, нежели эта, берущая свое начало еще от богини земли Геи, – ей уже ни за что не сыскать.

Афине пришлось даже крупно поразмышлять, как найти выход из этого, довольно трудного для нее положения.

Сама же Афина была девственницей, о браке – даже не помышляла, несмотря на то, что ее красота сразу вскружила головы многим земным и небесным женихам, – буквально от первых минут ее появления на свет.

Да только сама богиня Афина недаром прослыла большущей умницей.

Ее символом, помимо оружия, стала мудрая птица сова, о которой мы как-то, вроде, уже упоминали. Богиня прекрасно и остро понимала, что царская власть должна была быть обязательно божественного происхождения. Но где же ей было взять более достойного царского наследника? И как было увязать его появление с уже прочно укрепившимся на троне Кекропом?..

И вот однажды богиня Афина является к дочерям Кекропа и вручает самой старшей из них, веселой певунье Аглавре, увесистый и красивый ларец (по иной версии – даже целую корзинку), к тому же – довольно плотно закрытый. Однако подает его как-то так, что им, и без того уже замершим от общения со столь прославленным олимпийским божеством, как-то сразу становится понятно: там, внутри ларца, таится нечто, откровенно живое!

Возможно, царевны даже и заподозрили, что в ларце упрятано какое-то существо небесного происхождения, которому, пусть и со временем, после смерти их престарелого родителя, суждено будет стать во главе всего аттического государства?..

Несмотря на строгий-престрогий приказ Афины не открывать ларец до срока, который она им укажет, – измученные любопытством девушки просто не справились сами с собой...

Как только богиня растаяла в воздухе – они тут же, едва переглянувшись между собой, почти одновременно взялись за крышку ларца. И тут же все в один голос вскрикнули: на дне его лежало мокренькое чудовище с огромною человеческой головою, насаженной на сверкавшее в темноте змеиное естество. Существо было явно незрелое, совсем лишь недавно появившимся на свет, а все же оно смотрело на мир каким-то строгим, как показалось царевнам, совсем неподвижным взглядом.

Волосы у девушек готовы были оторваться от кожи. Выронив из рук ларец, царевны бросились бежать, не разбирая дороги, лишь бы поскорее исчезнуть из родного для всех их родительского дворца, не понимая еще, что этот безумный поступок уже прекрасно ведом богине Афине, что это она обрекла их всех на это, столь явное безумие.

Они вдруг позабыли об обрыве, которого привыкли остерегаться с того самого времени, как только впервые научились ходить. Добежав до этой кромки земли, они не остановились, а полетели вниз, собственной кровью обагрив выступы чрезвычайно острых камней...

Царь Кранай и его зять Амфикион

После смерти престарелого Кекропа царская власть оказалась в руках другого царя-автохтона, рожденного все той же, аттической землей.

Его звали Кранай.

А женился он на местной земной, чрезвычайно красивой девушке. Она прослыла уроженкой воинственного Лакедемона, который был расположен на самом крайнем юге всего Пелопоннесского полуострова. Имя же у нее, у девушки-невесты, – было тоже не менее красивое – Пе-ди-а-да.

У царской четы родились вполне земные дочери. По имени одной из них, как гласит предание, царевны Аттиды, – новый царь Кранай переименовал прежнюю Кекропию в Аттику. И все это из-за того, что до этого времени такого названия люди не помнили и даже вообще о нем ничего и не знали.

Возможно, именно на эту дочь царь Кранай возлагал и свои особые надежды. Однако сама она умерла очень рано, еще до своего замужества.

Связана ли смерть девушки с постигшим Аттику вскоре после этого всемирным потопом, при помощи которого еще более разгневанный Зевс решил погубить уже весь человеческий род, до конца погрязший в пороках, либо же причиной смерти его стало нечто иное, – теперь уже очень трудно сказать.

Здесь важно упомянуть нечто совсем другое. Девятидневный потоп унес жизни почти всех землян, смыв их, словно букашек, с цветущей земной поверхности.

В живых остались лишь благочестивые, по отношению к богам, Девкалион и Пирра. Своими родителями эта супружеская пара называла титанов Прометея или такого же, его брата – Эпиметея.

По совету Прометея, знавшего наперед исключительно все, которое лишь предстояло людям, живущим на земле, – Девкалион выстроил очень вместительный ковчег, на котором, после долгих скитаний на морских волнах, ему удалось, вместе с Пиррой, высадиться на горе Парнас. Под видом камней, бросая их через голову, после чего они превращались снова в настоящих людей, – ему удалось возродить на земле почти весь человеческий род...

Очевидно, грозный потоп вообще не коснулся семьи аттического царя. Возможно, все его семейство просто отсиделось на высоком Акрополе.

Во всяком случае, нам известно только одно: одна из царевен, дочерей царя Краная, вышла замуж за сына Девкалиона и Пирры. А еще то, что сам Девкалион основал в Афинах святилище Зевса и был похоронен в этом городе на его высоком акрополе.

Девкалионова сына называли Амфикионом. Вначале он царствовал в уже известных нам Фермопилах, – затем ему настолько понравилась аттическая земля, с которой у него установились слишком тесные связи, о которой у него сохранились самые теплые воспоминания. Как бы там ни было, этот Амфикион, в конце концов, сам отнял у тестя его царский престол.

Очевидно, одним из результатов нового царствования могла стать возможность разводить в Аттике виноград, поскольку при царствовании Амфикиона в Аттику впервые забрел бог виноделия – сам Дионис. В продолжение некоторого времени он даже гостил в гостеприимном царском доме.

Если верить преданиям, то Амфикион и сам отличался особым преклонением перед всеми олимпийскими богами. Главный аттический город, до того лишь на время переименованный Кранаем в Кранаю, снова обрел свое настоящее, истинное название – Афины.

Однако же самые усердные молитвы великой богине не очень-то помогли прожорливому узурпатору. После двенадцатилетнего правления – Амфикион был вообще изгнан из пределов Аттики.

Эрихтоний (или Эрихфоний)

Изгнал Амфикиона новый царь – Эрихтоний, тот самый чудовище-младенец, которого уронили на пол чересчур любопытные царевны, дочери Кекропа, но который, о чудо! – каким-то, непостижимым для нас образом, – остался в живых.

Его как-то все-таки выходили.

Старинное предание гласит, будто Эрихтоний, опять же, был рожден землей Геей, но уже от семени иного бога – Гефеста.

Он вырос, однако его удивительное тело, нисколько не изменилось в своих размерах. Оно сохранило в себе дерзкое сочетание змеиногo и человеческого естества.

Предположительно, сам Эрихтоний, каким-то неожиданным для нас образом, здорово напоминал собою того же Кекропа.

Молодой царь женился на нимфе Праксифее, имел от нее сына Пандиона, по внешнему виду – уже вполне человека. Новый царь не допускал даже мысли об обретении себе каких-либо культовых предметов путем презренного воровства.

На Акрополе, в возведенном еще Кекропом храме, Эрихтоний установил деревянную статую богини Афины. А еще, в честь славной богини, учреждены были им так называемые Панафинеи – самый главный праздник ее, смысл и обряды которого были известны по более поздним, уже в самом деле, – чисто историческим временам.

Этот праздник просуществовал чуть ли не две тысячи лет со дня своего учреждения. О Панафинейх мы знаем по сохранившимся литературным памятникам, в частности – по сохранившейся вазовой аттической живописи.

Праздник, похоже, первоначально считался исключительно афинским, даже городским. Он проводился летом, каждые четыре года – превращаясь в Большие Панафинеи, отличавшиеся особой торжественностью и чрезвычайной пышностью.

Главному торжеству, посвященному самому рождению великой богини Афины, предшествовали конные скачки, состязания колесниц и забеги эллинских атлетов.

Победители награждались плодами священного дерева, подаренного Аттике самой Афиной, – от ее оливы. В основном, это были оливковые ветви, а также вместительные амфоры, наполненные доверху чрезвычайно вкусным оливковым маслом.

Суть торжества заключалась в подношении богине нового покрывала, так называемого пеплоса, над изготовлением которого трудились девушки из первейших по значению в государстве и богатейших при этом афинских семейств. Изготовленный ими пеплос в тот же день развешивался на мачте священного корабля, который ставили на специальные колеса и перемещали по улицам города по направлению к храму. Там пеплос торжественно надевали на статую деревянной богини.

Шествие, сопровождавшее священный корабль, уже само по себе представляло великолепное зрелище. В нем принимали участие все государственные мужи, высшие должностные лица, жрецы, прочие знаменитые гости. Украшением шествия служили смуглые юноши, скакавшие верхом на гордых конях, а также совсем юные девушки с цветами в тонких и нежных руках, в венках на изящно убранных их волосах.

Впрочем, все участники этой процессии выглядели великолепно, и все они богатые несли богатые дары богине.

После надевания пеплоса – богине Афине приносились жертвы, а затем – устраивался всеобщий пир. На нем веселились все люди.

Надо заметить также, что именно при царе Эрихтонии храм богини Афины обрел уже довольно великолепный внешний вид.

Когда же сам Эрихтоний состарился и отправился в подземное царство мертвых, — он был похоронен возле облагороженного им и чрезвычайно ухоженного этого храма.

Пандион

Эрихтонию наследовал его сын Пандион. Молодой и энергичный, новый царь владычествовал над подданными по заветам своего покойного уже отца.

Очевидно, все аттическое государство крепло и богатело уже не только из-за того, что ими умело правил живущий на Акрополе царь и что все, подчиненные ему обыватели, от простых хлопков до богачей, весьма твердо и рачительно вели свое хозяйство, что все они лелеяли и обихаживали свои благодатные оливковые рощи.

Всего этого было еще маловато.

При Пандионе в Аттику явилась богиня плодородия Деметра, которая как раз тогда посещала все эллинские, удаленные слишком от ее центра земли.

Среди всех афинян с тех пор осталось предание, будто бы в Аттике Деметра начала свое посещение с тамошнего храма Элевсина, где она провела довольно длительное время, пребывая в печали после того, как ее единственную дочь Кору похитил бог подземного царства Гадес, или Аид.

А произошло все сказанное в то далекое время, когда Элевсин считался еще отдельным государством, которым управлял такой же мифический царь Келей. Он тоже рожден землей, а супругой у него была мифическая Метанира.

Великая богиня будто бы осталась в его доме в качестве какой-то подневольной служанки. Там она воспитала всех царских детей. Особым ее вниманием пользовался сын Келея Демофонт, однако не забывала она и о другом царском сыне – о Триптолеме.

Кора же, став супругой подземного бога Гадеса, уже под новым именем Персефона, – стала периодически возвращаться к матери волею Зевса. Ее ежегодное возвращение на землю знаменовалось к тому же оживлением всей земной зелени и сил природы, – довольная Деметра не позабыла гостеприимство довольно щедрой элевсинской земли.

Однажды, представ перед сыном царя Триптолемом, она повелела ему созвать жителей всего Элевсина⁴.

Как только они явились, шумно толкуя, что бы все это могло означать, – богиня приказала Триптолему вспахать обозримый ею участок земли.

Она лично засеяла пашню. На глазах удивленных землян, брошенные в почву золотистые комочки проросли побегами буйной пшеницы, которые покрыли ниву сплошным зеленым ковром. Побеги вытянулись прямо на глазах у собравшихся граждан. На них мигом завязались колосья, а потом в колосьях также явно поспешно созрели зерна.

Тут же в руках у богини появился сверкающий на солнце серп. Она сама сжала колосья и разбросала их на утоптанной плотно площадке, где копыта тяжелых быков выщелочили же из них крутобокие зерна. Богиня так же лично размолола урожай на жерновах и испекла из них мягкий душистый хлеб.

Жители Элевсина, вкусив полученные дары природы, не могли не убедиться, насколько доступно им тщательное возделывание пашни и насколько полезно употреблять в пищу готовый печеный хлеб, вдобавок к поедаемому одному только мясу. Они единодушно решили, что земледелие отныне станет их постоянным и неуклонным занятием.

Как бы там ни было, но оливковые рощи на аттической земле с тех пор стали соседствовать с золотистыми хлебными нивами. Привычные к мотыгам руки довольно легко усвоили и какую-то прозрачную легкость сверкающих на солнце серпа и вил.

⁴ Здесь мы невольно сбиваемся на пересказ трагедии Софокла об элевсинском царевиче Триптолеме.

Затем люди так же быстро научились обращаться с плугом, веялками и так легко доступными им жерновами...⁵

Когда же, вслед за Деметрой, как уже говорилось, в сопровождении шумной кампании в Аттику вторично явился пьяный и вечно веселый бог виноделия Дионис, – он научил всех местных жителей разводить виноград, научил выращивать их живительные сочные гроздья, обучил возделывать терпкое веселящее вино.

Подданные царя Пандиона также старались использовать каждый клочок своего надела. Еще не занятая оливковой рощей земля отходила под пашню, если же она не годилась под пашню, – там разбивали какой-то многоступенчато-ярусный виноградник.

Оказалось, виноградная лоза прекрасно плодоносит на солнечных склонах, на которых, прежде того у них выпасались вечные, как мир, бодливые козы со своими многочисленными козлятами.

Малоплодородная почва в засушливом климате давала продукты, которые можно было уже вывозить за пределы собственного государства.

О растущем благополучии жителей Аттики позволительно было судить по щедрым дарам, которые приносились к жертвенным алтарям Афины, Зевса, Диониса, Посейдона. Как только наступала пора сбора нового урожая – так постоянно веселые комосы, то есть, толпы вечно танцующего и поющего люда. Они славили богов, саму эту землю, за труд на ней, за саму свою счастливую жизнь.

Крестьянские комосы торопились от селения к селению, от одного храма к другому, от одного жилища – к соседнему.

Казалось, у аттического царя появилось достаточно причин для законных радостей всех своих поселян, – однако простое человеческое счастье обходило царский дворец почти всегда стороною.

Беды подстерегали афинского правителя все чаще и все неумолимей.

⁵ Не позабыла Деметра о своем протеже и после его земной кончины: вместе с Миносом и его братьями он теперь судит мертвых в подземном царстве.

Царевны Прокна и Филомела

Начались же эти несчастья сразу после того, как подросли и шумно загомонили все царские дети. А детей у царя Пандиона и его супруги Зевксиппы было в завидном количестве: два сына и две дочери.

Дочерей Пандиона звали Прокна и Филомела. То были на удивление красивые девушки, о которых, пусть и впоследствии, заговорила чуть ли не вся Эллада.

Здесь нам лучше сослаться на фантазию римского поэта Овидия, жившего в промежутке между 43 годом до новой эры и 17 годом уже новой эры. Приведенный ниже сюжет взят нами из его знаменитой книги «Метаморфозы» (превращения)⁶.

Влюбленный в седую древность, отлично знавший соответствующие литературные источники – Овидий, несомненно, гораздо тоньше чувствовал весь дух патриархальной эллинской жизни.

На основании всего известного ему – удалось выстроить очень красивую, даже слишком, просто красочную картинку, похожую на те многочисленные и многообразные мозаики, которые украшали полы и стены богатейших римских вилл. Наверняка чеканные строки Овидия с восторгом читались любителями высокой латинской (римской) поэзии...

Так вот, если верить Овидию, то многим личным царским бедам предшествовали несчастья и беды вполне уже государственного масштаба. Афины не раз подвергались нападениям варварских племен, которые как-то незаметно просачивались по материковой Греции. Афинским царям тоже не раз приходилось обращаться за помощью к дружественным им государям.

В этот раз на призыв афинского правителя откликнулся фракийский царь Терей, сам приходившийся сыном свирепому богу войны Аресу. Терей и привел с собою горластых воинов в высоких медных шлемах, украшенных пучками длинных перьев. В основном, то были статные конники, вооруженные очень длинными копьями и чрезвычайно острыми мечами.

Фракийцы ударили настолько напористо, что враги все вмиг побежали, спасая собственную жизнь. Афинскому царю оставалось лишь исполнить просьбу своего невольного благодетеля. А счастливому победителю очень уж глянулась старшая царская дочь – красавица Прокна.

После пышной свадьбы огорченному старику Пандиону, естественно, пришлось расставаться с любимой дочерью. Такова уж отцовская участь, будь он хоть грозным царем, или же распоследним подневольным пахарем в его пышном царстве.

Сверкая шлемом с огненно красными перьями, Терей увез указанную царевну в лесистую и слишком далекую от Афин горную Фракию, наполненную дикими конниками, постоянно воюющими не только со своими соседями, но и между собой.

Вскоре у супружеской четы, как уж водится, родился ребенок. Это был сын, наследник престола, мечта любого царя-самодержца. Малышу дали звонкое имя – царевич Итис.

Жизнь во Фракии вообще-то очень понравилась Прокне, однако вскоре царица почувствовала тоску по родным местам, по своим близким, особенно же – по младшей своей сестре Филомеле. С ней они вместе не раз, взявшись за руки, вихрем взлетали по извилистой дороге, ведущей непосредственно на высокий Акрополь...

Прокна начала умолять супруга, чтобы тот снарядил свой корабль и отправился в Афины, привез оттуда ее младшую сестру.

Ради любимой жены Терей был готов на все.

⁶ Весь труд Овидия Назона представлял в древности довольно объемистую книгу в 15 разделах.

Он действительно высадился в афинском порту Пирее, поблизости от столицы Аттики, от ее главного города Афин, но когда вступил в хорошо знакомый ему царский дворец, – то сразу почувствовал, что его просто-таки околдовали.

А причиной всему – красота Филомелы, младшей сестры его жены Прокны. Короче говоря, фракийский царь по уши влюбился в это юное создание.

И он впал в отчаяние: как тут быть? Что ему делать дальше?

Спасительную, как ему показалось вначале, мысль – навеяло ему какое-то коварное, злое божество. Терей отважился на большую хитрость. Он решил во что бы то ни стало добиться всего им задуманного.

Пообещав тестю возвратить Филомелу, как только юная царица вдоволь наговорится с нею, Терей начал собираться в обратный путь.

Опечаленному Пандиону что-то такое, вроде бы, уже предчувствовалось. Не иначе как злые, неведомые духи нашептывали ему что-то зловещее. Однако упрямый стариковский ум отказывался верить во все для себя плохое.

И все же царь Терей был себе на уме. Привезя Филомелу в свой дворец, он не допустил даже встречи обожавших друг дружку сестер. Жену он запер в своем горном дворце, а Филомеле сообщил, будто сестра ее скоропостижно скончалась, не вынеся многодневной разлуки с ним.

Не дав бедняжке даже прийти в себя, царь как-то мигом признался ей в любви и стал убеждать ее, что теперь не имеется ни малейших сомнений для объединения их судеб. Она непременно должна стать его женою!

Конечно, Филомелу потрясло все услышанное, однако, пусть и через определенное время, душевная боль успела притупиться в ней, и юное сердце поверило в случившееся. Более того – девичьи уши раскрылись навстречу поистине лстивым словам... Девушка стала женой обманщика.

В конце концов, Терей, опасаясь, как бы обманутая жертва не проведала, что сестра ее жива, что тайна раскроется, отрезал Филомеле язык и заточил ее также в темницу.

Долго томилась несчастная пленница, ничего не ведая, ни на что уже не надеясь. Наконец, ей шепнули, что сестра ее жива. На тоненьком покрывале вышила Филомела историю своей, так нелепо загубленной жизни и как-то сумела передать вышитое покрывало своей сестре Прокне.

Трудно описать нам чувства старшей сестры, узнавшей о жестоком обмане. Прокне все же удалось найти свою сестру Филомелу. Убедившись в коварстве супруга, царица решила ему отомстить. Отомстить – притом самым жестоким образом.

Раздумывать было некогда... С другой стороны – что может быть страшнее для государя, чем лишиться так давно ожидаемого наследника своего престола?

Прокна отважилась на убийство. Она сочла, что единоутробная сестра ей ближе, нежели любимый сын, рожденный к тому от ненавистного ей человека, бывшего ее мужа, ставшего теперь коварным обманщиком.

Убив мальчика, в сговоре с младшей сестрою, Прокна приготовила вместе с нею замысловатое блюдо из мяса несчастного ребенка и угостила им царя.

После этого сестры как-то сразу же устремились в бегство. В мыслях они уже видели родные Афины. Они уже крепко были уверены, что найдут там надежную для себя защиту.

Когда же к Терею, отдыхавшему после сытного обеда, дошел смысл сотворенного в его царском дворце, – он тотчас же бросился в стремительную погоню.

Он уже настигал беглянок, и они отчетливо слышали топот и гортанные крики его бесчисленных воинов. Беглянкам ничего не оставалось, как только обратиться с мольбою к богам.

Сжалившись над ними, эллинские боги превратили Прокну в соловья, Филомелу – в безобидную ласточку. Тогда как разъяренного фракийского царя Теря – они обратили в лесного угрюмого удода.

Именно с тех пор у грациозной, по-девичьи легкой и вроде бы вечно беззаботной щебетуны-ласточки, и расцвело на груди четкое красное пятно, словно впившееся в нее какой-то чужеродный комочек, драгоценный камешек. Этому пятнышку суждено напоминать людям о безвинно загубленной жизни юного Итиса, сына коварного царя Теря, приходящегося также внуком аттическому, афинскому царю Пандиону.

Что же касается самого Теря – то на головах всех удодов с тех пор качаются непокорные гребни. Подобные образования, как помним, в виде гребней, раскачивались и над шлемами удалых фракийских воинов.

Конечно, узнав об участии своих дочерей и своего маленького внука, никогда им невиданного, – царь Пандион тяжело захворал и умер.

Смерть приключилась с ним не столько от болезней и старости, сколько от невыносимого горя.

Эрехфей (Эрехтей)

Царскую власть в Афинах после Пандиона унаследовал его сын Эрехфей, а другому сыну досрочно почившего царя, Буту же, – достался верховный жреческий сан.

Бут возглавил коллегия жрецов богини Афины и, одновременно, жрецов бога Посейдона. Он стал основателем нового жреческого клана, так называемого рода Бутадов (или даже Этеобутадов).

Можно также утверждать, что отныне в его руках сосредоточилась вся духовная власть в аттическом государстве.

Говоря о царе Эрехфее, следует все же заметить, что судьбу своего правителя эллины толковали по-разному. В надлежащем месте мы еще раз поговорим об этом, а пока что проследим, в первую очередь, одну из известных версий жизни этого примечательного государственного деятеля.

Те, кто был твердо уверен, будто бы все это произошло именно так, как уже объявлено нами, – те полагали, что знаменитый праздник Панафиней, по-прежнему пышно отмечавшийся в Афинах, царь Эрехфей распространил уже на всю аттическую землю. Особенно активно побуждал он своих подданных возделывать благодатную пшеницу.

Дальше, что особенно интересно для нас, ему довелось ожесточенно повоевать с новыми, напавшими на его страну чужеземцами, захватившими примечательный город Элевсин, – и даже повоевать с жителями самого Элевсина.

Скорее – надлежит даже думать нам о последнем.

Надо заметить, что Элевсин, быть может, следует даже считать более древним поселением в аттической земле, нежели сами Афины, и что только географическое положение Кекропова холма склонило чашу весов в соперничестве между этими двумя городами, – именно в пользу Афин.

Вдобавок, скажем еще, что эти города рознились своими культами: Элевсин был связан с богиней плодородия Деметрой, тогда как Афины подчинялись более воинственной, а потому и более могущественной, вооруженной копьем и щитом, богине Афине.

Как бы там ни было, дух соперничества между Элевсином и Афинами чувствуется на протяжении весьма длительного античного периода. Таковым, по всей вероятности, был он и в описываемую нами пору.

Царю Эрехфею, как некогда и его родителю Пандиону, пришлось довольно туго при защите самого города и всего аттического государства, тем более, что в этот раз на помощь из Фракии, под руководством царя Эвмолпа, прибыла подмога по призыву уже Элевсина.

Свою расчетливую политику и успешное ведение военных действий фракийские цари объясняли тесными связями с богами, даже своим происхождением непосредственно от небожителей. Предыдущий, известный нам царь Терей, так жестоко поступивший с сестрами царя Эрехфея, царевной Филомелой и со своею женою Прокной, – был, как еще раз вспомним, сыном бога войны Ареса. Этот же, царь Эвмолп, приходился сыном не менее грозному олимпийцу богу Посейдону, владыке вечно шумящих морей.

Сил Эвмолпу было не занимать, и он пожелал навсегда осесть на земле в Элевсине, настолько сильно глянулось ему тамошнее место и тамошнее царство. В его понимании, аттическая земля во многом превосходила сырые и мрачные горы, и где только ржут неуправляемые кони, где вечно раздаются звуки боевых труб и постоянно льется человеческая кровь.

Сам Эвмолп был сыном Посейдона и Хионы, внучки афинского царя Эрехфея. Боясь гнева отца, Хиона бросила ребенка в море, но его спас Посейдон. Ради воспитания он даже перенес ребенка в Эфиопию.

Все эллины считали Эвмолпа основателем таинственных мистерий, периодически повторяемых празднеств в честь богини Деметры и ее дочери Коры. Элевсинские мистерии отражали радость людей при пробуждении весенней природы. Недаром его самого считали впоследствии превосходным певцом⁷.

Этот праздник стал весьма значительным торжеством во всем эллинском мире, и жрецы, стоявшие во главе всего этого культа, почитались по всей Элладе.

Жреческий род Эвмолпидов в Элевсине – факт уже вполне исторический, подтвержденный документами более поздних времен.

Борьба Афин с Элевсином продолжалась довольно долго, так что отчаявшийся царь Эрехфей обратился даже к Дельфийскому оракулу.

Жрица Аполлона, древняя, как мир, Пифия, откинув со лба давно уже седую прядь, дала на этот раз недвусмысленный ответ. По всей вероятности – это был совет наиболее срочных действий.

– Спаси царский трон, – сказала старуха, – может только царевна Хтония, если девушка принесет свою жизнь на алтарь бога Посейдона!

У царя Эрехфея, надо сказать, насчитывалось немало дочерей. Все они жили душа в душу, кроме самой старшей, и когда Хтония, выслушав слова отца, пошла на верную смерть ради милой отчизны, – младшие сестры, глотая слезы, тоже последовали ее примеру. Девушки не желали расставаться друг с дружкой даже в подземном царстве.

Результатом самоотверженных поступков юных царевен и стала важнейшая победа афинян. Эвмолп убрался восвояси, сильно негодуя на вмешательство своего отца Посейдона.

Правда, сохранились также глухие упоминания о том, будто бы события в Аттике развивались вовсе не в таком миролюбивом ключе. Будто бы фракийский царь Эвмолп не ушел из городка Элевсина, но погиб в жестоких схватках, как и подобает воинам, так что разгневанный отец его, всемогущий бог Посейдон, вынужден был обратиться к своему младшему брату Зевсу.

Посейдон потребовал смерти для победителя, для афинского царя Эрехфея. Громовержец живо откликнулся на братнину просьбу. Бьющая без промаха молния тотчас же полетела на преждевременно ликующую Аттику...

Таковой была судьба этого аттического царя Эрехфея, брата несчастных царевен Прокны и Филомелы.

Впрочем, передают и другое известие: говорят, будто бы дочь Эрехфея, Прокрида, ставшая женою Кефала, потомком самого Девкалиона была уличена в супружеской измене с неким Птелеонтом... Она, вроде бы, соблазнилась золотым венцом, подаренным ей этим бравым молодцом.

Опасаясь расплаты, Прокрида в страхе бежала на Крит к царю Миносу, который и без того страдал сильным недугом, насланным на него его супругой Пасифаей. Убивая всех змей, скорпионов и сколопендр, этот царь умерщвлял и всех, сходявшихся с ним смертных женщин.

Правда, сама Прокрида осталась жива, выпив настой волшебной травы мёли, а потом и вообще излечила Миноса от бесплодия, заставив его испустить скверну в мочевого пузырь козы, а затем снова сойтись со своей Пасифаей. За это Минос подарил Прокриде пса Лайлапса и быющее без промаха копье.

Возвратясь назад в Аттику к мужу Кефалу, дочь Эрехфея была нечаянно убита именно этим самым копьем.

⁷ Более того: само его имя означает в переводе с древнегреческого языка означает «прекрасное пение», «хорошо поющий».

Ион

По одной из версий, после смерти дочерей и после трагической гибели самого царя Эрехфея, – все же осталась в живых его дочь Креуса.

К моменту гибели отца, даже к моменту ведения им самой последней войны на территории Аттики, она оказалась далеко от самого Эллина, родоначальника всех греческих племен, доведившегося, в свою очередь, то ли сыном герою Прометею, не то – так даже сыном самому верховному эллинскому богу Зевсу.

Об этой Креусе тоже рассказывали самые удивительные истории, одну из которых поведал нам поэт Еврипид в своей, какой-то необыкновенно изысканной трагедии «Ион».

Суть всей этой истории заключается в том, что указанная нами царская дочь, будучи совсем еще юной девушкой, довольно часто гуляла в окрестностях знаменитого акрополя, отбившись каким-то образом от стайки своих остальных сестер.

По всей вероятности, она была в семье царя Эрехфея самой старшей дочерью, и в ее голове роились уже сладостные мысли о будущих женихах. А пока что она садилась на разогретые солнцем камни, собирала растущие в поле довольно редкие там цветы, в крайнем случае, – рассматривала пашущих в поле крестьянских волов, а также прилеглих на отдых дойных коров, а то и просто наблюдала за вездесущими на каменных склонах змеями.

Там-то как раз и заметил явно скучающую девушку носившийся по эфиру бесцельно бог Аполлон. Необычная красота ее поразила даже этого, разгульного, казалось, вполне небожителя.

Разумеется, всемогущему богу, самому необычному красавцу, ничего не стоило предстать перед девушкой, просто пропеть ей песенку, даже исполнить какой-то замысловатый танец, аккомпанируя себе самому на звонкой кифаре.

Улучив подходящий момент, он увел ее в прохладу ближайшей пещеры, где вечно следовавшие за ним музы и нимфы уже подавали в кубках искрящееся на солнце золотое вино и какие-то, никому на земле неизвестные олимпийские сладости и разные там угощения.

После неоднократных подобных встреч царица родила младенца, которого вынуждена была оставить в знакомой до боли пещере, поместив самого ребенка в чудесную ивовую корзинку и снабдив эту корзинку дорогими подарками, в том числе – золотыми украшениями в виде изображения громадной черной змеи.

Конечно, неопытная царица вовсе не отдавала себе отчета, что может случиться в дальнейшем с ее крошкой сыном.

Однако о младенце позаботился его божественный отец.

Сидя то ли на своем заоблачном Олимпе, то ли спустившись на гору Парнас, Аполлон попросил своего брата Гермеса перенести корзинку с новорожденным младенцем прямо в Дельфы, в его, Аполлоново, главное святилище.

Младенец прижился при тамошнем храме.

Находясь под присмотром прорицательницы Пифии, он дошел даже до своих полных юношеских лет...

А царица Креуса, тем временем, как нам тоже известно, была выдана замуж за царя Ксуфа, которого, после смерти собственного царя Эрехфея, афинские граждане избрали новым своим государем.

Однако детей у царской четы все также и не было и даже не предвиделось в будущем. Огорченные супруги решили обратиться непосредственно к богу Аполлону.

В Дельфы они направились порознь, и пока там не было Ксуфа, опередившая его Креуса, попыталась узнать что-нибудь о судьбе оставленного в пещере собственного сына.

При храме Аполлона царицу поразила вид красивого светлокудрого юноши, который прислуживал там. В ней, вроде бы, даже вспыхнуло что-то, какая-то смутная догадка, слабое предчувствие, которое усилилось после того, как юноша принялся отвечать на ее же вопросы.

Пока она была занята ответами юноши, появился сияющий от счастья и радости Ксуф. Оказывается, в другом святилище, тоже тесно связанном с тем же богом Аполлоном, его заверили, что домой возвратится он – уже непременно вместе с сыном!

Все получилось именно так.

Ответ Пифии на вопрос Ксуфа прозвучал сногшибательно:

– Твоим сыном, Ксуф, станет тот юноша, которого ты встретишь сейчас же при выходе из Аполлонова храма!

Вихрем вылетел наружу обретший, наконец-то, верную надежду на будущего сына Ксуф. Ему отчаянно захотелось увидеть, кто же ему повстречается на пути.

И тут же ему повстречался тот самый храмовый служитель, который как две капли воды похож был на бога Аполлона.

К удивлению Ксуфа, юноша нисколько не стал противиться судьбе, когда Ксуф, глотая слюну, объявил ему волю только что выслушанного им высокого божества.

Юноша даже обрадовался, узнав, что теперь у него теперь будет отец, притом не кто-нибудь, – но сам афинский царь Ксуф!

– А кто моя мать? – поинтересовался при этом он.

Ксуф, к своему удивлению, не знал на это прямого ответа.

Обретенный сын получил от него имя Ион.

Счастливый отец решил сразу устроить в честь вновь обретенного сына настоящий пир.

Креуса, ничего не ведавшая об оракуле, полученном ее мужем Ксуфом, о его намерениях относительно сына Иона, все же выведала от рабынь, будто бы юноша, который служит при храме, который так понравился ее хозяину, в самом деле – побочный сын ее супруга.

Быть может, екнуло ее сердце, его родила какая-нибудь рабыня? И это все значит, что, пусть и со временем, такой вот человек усядется на афинском престоле?

Нет, подобного поношения царской власти Креуса вытерпеть не могла.

Как же быть?

И тут она вспомнила о яде, полученном ею еще от своего отца Эрехфея...

– Этот Ион должен умереть! – велела царица своему слуге, будучи уверенной, что тот исполнит ее, пусть даже малейшую просьбу.

Старику-рабу удалось лишь наполовину исполнить приказ своей госпожи. Кубок, предназначенный для Иона, таил в себе мгновенную смерть, однако юноша, заметив что-то неладное в слишком поспешных движениях раба, вылил все содержимое кубка просто на землю.

Голуби, которые всегда водились при любом дельфийском храме, так и набросились на дармовое для них угощение. Один из них, проглотивший несколько капель напитка, встряхнул вдруг крыльями, упал на землю и испустил отчего-то свой дух.

– Я все понял! – побледнел лицом Ион.

Юноша заставил раба сознаться, кто же повелел тому влить такую отраву в кубок с вином.

А дельфийские старейшины, к которым он обратился с обвинением-иском, сразу же осудили Креусу на смертную казнь. Обреченная царица тут же бросилась к жертвеннику Аполлона, ища для себя спасения.

И там, благодаря сохранившейся при храме корзине, в которой когда-то Гермесом был доставлен в святилище в Дельфах сильно плачущий младенец, – мать и сын как-то сразу узнали друг друга.

Доказательствами их родства как раз и стали те дорогие украшения с изображениями чрезмерно громоздкой змеи.

Мать открыла сыну тайну, кто же был его настоящим отцом. Для подтверждения своих слов она обратилась к Афине, которая незримо присутствовала при их разговорах.

Шлемоблещущая богиня, подтвердив все сказанное Креусой, велела следовать Иону за Ксуфом.

– Ты унаследуешь трон своего деда Пандиона! От тебя произойдут самые славные афинские роды. Твои потомки, ионяне, ионийское племя, заселят все, вокруг тебя лежащие, земли!

Все так и получилось. Какое-то время спустя – Ион стал правителем Аттики.

Справедливости ради надо заметить, что с именем Эллина, земного предка Иона, греки связывали происхождение всех греческих (иначе эллинских) племен.

Кроме Ксуфа, у Эллина были сыновья Дор и Эол – родоначальники дорийцев и эолийцев. Внуком Эллина был также рожденный Креусой, помимо Иона, сын Ахей, ставший родоначальником всего клана ахейцев.

Вот от этих-то четырех мужей и произошли все прочие эллинские племена: дорийцы, эолийцы, ионийцы и ахейцы.

Эгей

Как видим, много чего могли рассказать о царе Эреxfее говорливые жители Аттики. Песни об этом царе распевались на праздниках даже по случаю сбора винограда.

Афиняне слушали старых и увечных певцов, бродивших от селения к селению в сопровождении пронырливых мальчишек-поводырей.

Кстати, старики-певцы очень уж радовались, будучи приглашенными к царскому очагу, где их ожидало добротное, обильное угощение, внимательные слушатели и длительное пребывание под надежной крышей, в тепле и в сытом довольстве.

И все же о царе Эреxfее существовали также иные предания, в том числе – и особая версия, о которой мы поговорим сейчас еще более подробно.

Вдумчивому читателю она покажется весьма неожиданной, поскольку, согласно ей, и сам царь Эреxfей и, стало быть, его наследники, о печальных и радостных событиях в его жизни которых мы уже столько наговорили, – все они являются фигурами, сказать бы, скорее всего, виртуальными, нежели реально существующими.

Так вот, согласно этой версии, никакого царя Эреxfея в Аттике никто никогда не видел, никаких таких песен или рассказов о нем никогда там не слыхивали и, стало быть, никогда не распевали о чем-то подобном слепые бродячие певцы!

Само же имя его – всего лишь дериват, разновидность, или же просто – синоним от имени Эрихтоний, которое носил еще царь-змей, рожденный богиней Геей и ставший отцом царя Пандиона.

Слово же Эреxfей, полагают знающие в этом толк ученые люди, сочтено было отдельным именем уже в историческую эпоху. И чуть ли не впервые употреблено оно в самостоятельном значении в V веке до новой эры. А сделал это уже знакомый нам поэт Еврипид.

Вот как.

Что же, если все это и в самом деле происходило именно так, то все наши рассуждения о царе Эреxfее и о всех его наследниках, были неведомы древним эллинам, и если все это действительно придумано поэтом Еврипидом, – то нам остается снова возвратиться непосредственно к старику Пандиону.

Оказывается, согласно этой версии, царь Пандион мужественно перенес известия о всех несчастьях, постигших его дочерей и внука в далекой от Афин и весьма неприветливой для них Фракии.

Быть может, именно с указанной поры он просто все чаще и чаще стал удаляться в окружавшие высокий Акрополь оливковые рощи. Цель у него отныне была одна. Она заключалась лишь в том, чтобы послушать там трели такого дорогого для него соловья, поглядеть на полеты ласточек с красными комочками на белой грудке, которые щедро лепят гнездышка на стенах белостенных крестьянских домов, и смахнуть при этом скупую отцовскую слезу.

Быть может, с затаенным отцовским ужасом взирал старик на мелькавшего среди каких-то бесформенных ветвей крупноклювого лесного удода, осененного короной из жестких красноватых перьев.

Такая непозволительная для афинского царя задумчивость и соседствующая рядом с нею медлительность, быть может, все же способствовали тому, что некий бородатый и крепко лысый уже старик Метион, родственник царя Пандиона, давно уже сгоравший от черной зависти, решил про себя, что пришел, наконец, его звездный час!

Коварный Метион устроил заговор против аттического царя и сумел захватить давно уже вожделенный им царский престол.

Пандион, собрав все свои пожитки, глухой ночью, когда все в городе крепко спали, бежал куда-то в направлении Мегар.

Пробравшись по горным тропкам, он явился во дворец прямо к мегарскому правителю, своему коллеге. Тот принял соседа, внимательно выслушал его и помог обжиться ему на новом месте.

Однако несчастья, по всей вероятности, давно уже выселили из головы Пандиона былую молодость и неизбывную его энергию. Он вроде бы позабыл об начисто ушедших своих дочерях и принялся жить сначала.

Приглядевшись к беглецу, поразмыслив, – мегарский царь определенно пришел к невероятному для себя выводу, что с таким соседом следует обращаться слишком обдуманно, ведь как никак, – а это вполне законный государь, пусть и прежний. Рано или поздно либо сам Пандион, либо же его потомки, могут оказаться снова на царском троне...

Мегарский царь призвал к себе свою красавицу дочь Пилию, посмотрел на ее румяное личико, уловил взгляд ее задумчивых глаз и объявил девушке, что выдает ее замуж за гостя, аттического царя Пандиона, зная наперед, что пришедший экс-царь от такой необычной радости вознесется куда-то на седьмое небо.

Юная Пилия, подчинившись отцовскому повелению, вскоре подарила своему супругу четырех сыновей – снова эта же цифра! – среди которых был и ведомый нашим читателям из каких-то иных источников царевич по имени Эгей.

Эта же версия утверждает, что Пандиону не довелось больше заглянуть за высокие горы, отделявшие Мегары от Аттики. Лысый Метион, захвативший власть на Акрополе, держал ее цепко, – как волк удерживает в своих лапах ягненка, а ястреб – непомерно прыткого голубя.

Впрочем, жизнь изгнанника в Мегарах, если позволительно судить по более поздним, уже твердо историческим временам, протекала более или менее тихо, мирно, иногда – даже очень богато. Никто не забывал, кем был Пандион на самом же деле. Пандион даже вступил в родство с другими царями путем женитьбы своих сыновей на их дочерях.

Очевидно, Пандион, в конце концов, смирился с выпавшей на его удел судьбой. Однако все же он не упускал при этом случая поведать своим сыновьям о своей прежней жизни, о высоком акрополе посреди просторной зеленеющей равнины, о мощных крепостных стенах, о прекрасном храме Афины-девы, о могилах предков. Он думал, быть может, что они лишены сейчас не только всяческого уважения и почитания, но даже и надлежащего ухода... Со вздохами вспоминал он нивы и виноградники, приносящие все новые и новые богатства своим, не в меру счастливым владельцам.

Пожалуй, его сыновья и сами видели все это собственными глазами. Тогда ведь не существовало еще никаких границ с полосатыми пограничными столбами, с пронизательными взглядами часовых, с визами и с какими-то слишком заносчивыми сторожевыми псами. На придорожных камнях, в лучшем случае, путникам удавалось прочесть, что за этим камнем – уже начинаются земли другого государства. И все.

Трудности перемещений из страны в страну заключались тогда в ином: как одолеть расстояние, разделявшее два любых города, как не попасть при этом в руки разбойников, не быть проданным в унылое, какое-то горько-постыдное рабство...

Для молодых и крепких парней, каковыми были сыновья тогда Пандиона, путешествия такого рода оборачивались лишь щекотанием нервов, пробой их буйных, расцветающих сил.

Да и отправлялись они в дорогу в окружении своих собственных рабов, погонщиков мулов, разного рода возниц, дубиноносцев и тому подобных дорожных спутников. И ехали они верхом на конях, будучи зажиточными людьми, принадлежащими даже к высокому царскому роду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.